- ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.08.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-126-132
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.

САЧЕНКО Алексей Леонидович,
кандидат юридических наук, доцент Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: alex_sachenko@list.ru

СВАРЧЕВСКИЙ Константин Геннадьевич,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: svarchewsky@yandex.ru

ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ЦИФРОВЫХ ДЕНЕГ СУДАМИ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ ПО ИСКАМ ПРОКУРОРА ОБ ОБРАЩЕНИИ ИМУЩЕСТВА В ДОХОД ГОСУДАРСТВА

Аннотация. *Цифровизация экономических отношений неизбежно приводит к появлению таких видов объектов гражданских прав как цифровые денежные средства, что формирует новые подходы к правоприменению и их правовой квалификации в том числе со стороны судебных органов государственной власти. Во взаимоотношениях с органами прокуратуры по поводу обращения имущества в доход государства суды общей юрисдикции в основном руководствуются общепринятым подходом восприятия денежных средств исходя из их дифференциации гражданским законодательством на наличные и безналичные. В то же время, постепенное вхождение в гражданский оборот цифровых денежных средств, в том числе и цифрового рубля, позволяет использовать иной подход, как к правовому пониманию цифровых денежных средств, так и к их правовой квалификации в части защиты публично-правовых интересов государства, в том числе по искам прокуратуры. Ввиду этого, дается положительная характеристика использованию судами общей юрисдикции категории денежных средств как обособленного объекта гражданских прав в контексте цифровых денежных единиц на основе чего предлагается отдельное выделение таких объектов в отдельную группу объектов гражданских прав.*

Ключевые слова: *цифровые денежные средства, судебное толкование, суды общей юрисдикции, иски, судебный акт.*

SACHENKO Alexey Leonidovich,
Candidate of Law, Associate Professor, North-West Branch, Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia

SVARCHEVSKY Konstantin Gennadievich,
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law, North-West Branch, Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia,

ISSUES OF LEGAL QUALIFICATION OF DIGITAL MONEY BY COURTS OF GENERAL JURISDICTION ON THE PROSECUTOR'S CLAIMS ON THE CONVERSION OF PROPERTY INTO STATE INCOME

Annotation. *The digitalization of economic relations inevitably leads to the emergence of such types of objects of civil rights as digital money, which forms new approaches to law enforcement*

and their legal qualification, including by judicial authorities. In dealing with the prosecutor's office regarding the conversion of property into state revenue, courts of general jurisdiction are mainly guided by the generally accepted approach to the perception of funds based on their differentiation by civil law into cash and non-cash. At the same time, the gradual entry of digital money into civil circulation, including the digital ruble, allows for a different approach to both the legal understanding of digital money and its legal qualification in terms of protecting the public legal interests of the state, including through lawsuits filed by the prosecutor's office. In view of this, a positive characteristic is given of the use by courts of general jurisdiction of the category of monetary funds as a separate object of civil rights in the context of digital monetary units, on the basis of which a separate allocation of such objects into a separate group of objects of civil rights is proposed.

Key words: *digital money, judicial interpretation, courts of general jurisdiction, lawsuits, judicial act.*

Адаптация общественных отношений, складывающихся между участниками гражданского оборота, в настоящее время затрагивает процесс цифровизации, как технического явления, предопределяющего различные процессы как в мировой, так и национальной моделях развития экономики.

В связи с этим, определяющими данный вектор развития общественных отношений являются Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», а так же Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Так же стоит заметить, и то, что в свое время Правительством РФ была сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7 [1].

Очевидно, что вышеуказанные нормативные акты создают правовое пространство по постепенному вхождению в систему гражданских правоотношений нетрадиционных институтов, таких как, например, смарт-контракты, цифровые финансовые активы, цифровая валюта, цифровой рубль. Несмотря на то, что фактическое использование данных инструментов во взаимодействии между гражданами и юридическими лицами насчитывает более десяти лет, стоит заметить, что поиск наиболее удобных форматов правового регулирования указанных институтов продолжается и по сей день.

Значительную роль в рассматриваемом сегменте правоотношений играют кредитно-расчетные обязательства, которые в свете расширения такого явления как цифровизация экономики приобрели, по сути, новое отражение как в теории, так и складывающейся правоприменительной практике.

Не углубляясь в детали теоретико-правового размышления места цифровых обязательств в системе гражданского законодательства, стоит обратить внимание на отдельные составляющие их реализации на практике, в особенности с учетом ряда вопросов их правового осмысления.

Современное правопонимание денег, как объектов гражданских прав, опосредовано в первую очередь содержанием статьи 128 ГК РФ, согласно которой, наличные деньги приравнены по своему правовому режиму к вещам, а безналичные деньги к имуществу. Процесс постепенного внедрения в качестве средства платежа цифрового рубля, несколько видоизменил содержание указанной нормы, дополнив ее тем, что цифровой рубль приравнен к безналичным денежным средствам, представляя собой имущественное право [2]. Это, в частности, позволяет сделать вывод о том, что цифровой рубль позиционируется в качестве права требования с точки зрения определения его правового режима действующим гражданским законодательством.

Однако, если обратить внимание на то как понимание цифрового рубля представлено его эмитентом – ЦБ РФ, стоит отметить тот факт, что согласно официальной информации, обнародованной ЦБ РФ цифровой рубль — это цифровая форма российской национальной валюты, которую Банк России планирует выпускать в дополнение к существующим формам денег [3]. В то же время Банк России исходит из того, что цифровой рубль является дополнением к его как наличной, так и безналичной форме. То есть, Банк России, выступая в качестве регулятора финансового рынка, исходит из того, что цифровой рубль является самостоятельной, а по сути, третьей формой рубля.

Таким образом, складывается ситуация, при которой гражданским законодательством цифровой рубль приравнивается к имущественным правам, в то время как Банк России исходит из того, что цифровой рубль – это третья, своеобразная форма денег, что позволяет сделать вывод о том, что и эмитентом, и регулятором отечествен-

ной финансовой системы допускается наличие третьей, своеобразной формы денег – цифровых денег.

Своеобразным наложением на различное правопонимание и цифровых денег и цифрового рубля, явилось появление цифровых финансовых активов как новой правовой категории, вмещающей в себе и представление о цифровых правах, как таковых и о цифровых платежных единицах, в частности.

Согласно ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы [4].

Если более подробно рассмотреть предложенную законодателем данную правовую конструкцию, то стоит заметить тот факт, что за неимением иной оговорки цифровые финансовые активы могут быть рассмотрены исключительно в системе обязательственного правоотношения, поскольку, как указано выше цифровой финансовый актив представляет собой «права, включающие денежные требования». В рассматриваемом контексте большое значение представляет собой такая категория как «требование». В связи с чем стоит заметить, что субъективное право требование в соответствии со ст. 307 ГК РФ присуще исключительно кредитору как управомоченной стороне в обязательстве. Более того, в системе гражданских прав такое субъективное право, как право требование, за исключением обязательственных отношений не возникает. Другим критерием в выделении особенностей правового понимания цифрового финансового актива, является то, что и юридически, и фактически он может выступает в качестве платежного инструмента, то есть является субъективным правом кредитора требовать уплаты денег, что вполне соответствует правовой дефиниции «обязательства». Но являясь платёжным инструментом, в силу которого должник осуществляет уплату денег в пользу кредитора, цифровой финансовый актив не является основанием возникновения такого требования. Соответственно, основаниями возникновения обязательственных правоотношений между абстрактными кредитором и таким же абстрактным должником могут выступать только те юридические факты, которые предусмотрены действующим гражданским законодательством.

Но стоит сделать отдельную оговорку о том, что цифровой финансовый актив не может выступать платежной единицей, каковым выступает цифровой рубль или цифровая валюта, но при этом благодаря ему осуществляется процесс перемещения цифровых денег от одного лица к другому лицу.

Нельзя обойти стороной и тот факт, что цифровой финансовый актив имеет сходство с цифровыми правами. В частности, как следует из содержания ст. 141.1 ГК РФ, под цифровыми правами понимаются обязательственные и иные права, существующие только в сложившейся информационной системе и этой же системой опосредованные в части осуществления, распоряжения и передачи третьим лицам. Таким образом, при сопоставлении таких категорий как «цифровые обязательственные права» и «цифровой финансовый актив», очевидно, что в основе каждого из этих понятий лежит базовая категория – обязательство, которая выступает в качестве самостоятельного вида гражданского правоотношения. В связи с этим, очевидно, что законодательное регулирование цифровых финансовых активов как частно-правового инструмента лежит в плоскости обязательственного правоотношения.

При этом, данная категория – «цифровое обязательство», несмотря на традиционный характер своей правовой природы полностью подчиняется работе автономной информационной системы. Следовательно, условия исполнения обязательства, как минимум, наряду с правовой регламентацией обеспечивается техническими условиями развития информационной среды и сопутствующими правовыми продуктами.

Одновременно с этим, стоит заметить, что информационная система – это технический инструмент исполнения обязательства и (или) принятия исполнения обязательства, в связи с чем правомерно заключение о том, что информационная система должна идентифицировать основание возникновения обязательства, его содержание, самостоятельно определять профиль должника и кредитора, так же идентифицируя стороны в обязательстве.

Ввиду этого, закономерным представляется то, что внедрение цифровых технологий и информационных систем в процессе исполнения обязательств с правовой точки зрения усложняет процесс взаимоотношений между кредитором и должником, но с другой стороны, процесс вос-

препятствования инновационно-технической стороне развития гражданского оборота видится не просто бессмысленным и крайне негативным явлением в масштабах развития не только отечественной, но и мировой экономики.

В таких условиях развития цифровых обязательственных отношений, обусловленных оборотом цифровых денег большое значение приобретает защита интересов государства и общества, в части недопущения легализации незаконно полученных доходов. При этом, сложности в правовой регламентации цифровых денег могут создавать состояние правовой неопределенности, что достаточно негативно сказывается на защите интересов публично-правовых участников гражданского оборота и обеспечения интересов государства в целом, а также при вынесении соответствующих судебных актов, направленных на защиту публичных интересов.

В любом случае, когда речь идет о защите публично-правовых интересов общества и государства, правом на обращение в суд с иском обладает прокурор. Ввиду того, что данный вопрос достаточно обширный с точки зрения правового регулирования как со стороны материального, так и процессуального права, особого внимания, по нашему мнению, заслуживают отдельные аспекты деятельности прокурора по обращению в суд общей юрисдикции с иском об обращении имущества в пользу государства.

Анализируя теоретическое восприятие данной группы отношений, необходимо заметить, что по мнению ряда ученых, таких как, Голомanчук Э.В., Попов К.А., Астафурова О.А. «нормы о противодействии коррупции давно перестали находиться исключительно в уголовном и специальном законодательстве и появились в ГК РФ» [5]. В то же время существует и позиция о том, что «определить отраслевую принадлежность обращения имущества в доход государства как меры юридической ответственности однозначно нельзя», поскольку несмотря на то, что в рассматриваемый сегмент отношений хотя и регулируется нормами гражданского и гражданского процессуального законодательства, все же необходимо учитывать публичный характер прекращения права собственности на данном основании [6]. Однако, очевидным является то, что обращение имущества в доход государства в порядке подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК является санкцией за правонарушение [7], в связи с чем уместно воспринимать правовую природу такой ответственности в качестве одного из видов гражданско-правовой ответственности. Подобной позиции придерживается К.И. Скловский и на наш взгляд, она может служить отправной точкой к дальнейшему исследованию проблем правового регулирования обращения имущества в доход государства.

Нельзя не отметить позицию Конституционного Суда РФ, который в Постановлении от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» [8] указал на то, что обращение прокурора об изъятии имущества в доход государства не носит компенсаторного характера по отношению к конкретному лицу, а напротив, цели компенсации не являются определяющими: оно служит особого рода неблагоприятным последствием противоправного поведения, применяемым в случае несоблюдения лицом антикоррупционных требований и запретов. В то же время Конституционный Суд РФ исходит из того, что такое обращение прокурора в судебные органы обеспечивается соответствующими гражданско-правовыми основаниями. Как следует из вышеуказанного Постановления КС РФ уполномоченный на предъявление иска об обращении в доход государства имущества и денежных средств прокурор действует не в целях восстановления нарушенных субъективных гражданских прав публично-правового образования, а в целях защиты общественных и государственных интересов, что соответствует характеру возложенных на прокуратуру Российской Федерации публичных функций (статья 129 Конституции Российской Федерации), связанных с поддержанием правопорядка.

Таким образом, очевидно, что позиция К.И. Скловского вполне соответствует содержанию Постановления Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П, и во многом отражает подход судебной системы к вопросу реализации права прокурора на обращение имущества в доход государства. Так же данный подход находит свое отражение и в практике Верховного Суда Российской Федерации, в частности, в содержании Определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.04.2025 № 307-ЭС24-22235 по делу № А56-85715/2023 где указано на необходимость поддержания правопорядка и защиты интересов государства и общества посредством обращения прокурора с соответствующим иском в суд.

При этом стоит выделить то обстоятельство, что Верховный Суд РФ в данном определении указывает на обращение в доход государства имущества и отдельно денежных средств. И хотя в фабуле дела, равно как и в содержании данного судебного акта не ставится вопрос о разграничении имущества и денежных средств, данное уточнение Верховного Суда РФ видится неслучайным.

Причина, позволяющая сделать данное заключение состоит в изложенной выше проблеме неоднозначности правовой трактовки денежных средств, содержащейся в ст. 128 ГК РФ и отождествляющей денежные средства в безналичной форме с имуществом, которую юридически, а следовательно и фактически устраняет Верховный Суд РФ в отдельно взятом судебном акте.

Представляется, что такая позиция несмотря на то, что она носит частный характер и адресована конкретным участникам конкретного дела, является абсолютно правильной и применимой в той ситуации, когда в качестве объектов, подлежащих изъятию в пользу государства, будут заявлены цифровые деньги.

Подобного рода явления, равно как и дела, рассматриваемые по правилам искового производства судами общей юрисдикции, сводятся к тому, что цифровая валюта (или криптовалюта) на сегодняшний день квалифицируются в качестве имущества. Так, например, Определением Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 23 мая 2023 г. № 88-4181/2023 по требованию о взыскании неосновательного обогащения, цифровая валюта рассматривается в качестве имущества, хотя в содержании данного судебного акта так же используется категория «денежные средства» в качестве синонимического понятия цифровой валюты. Исходя из чего допустимо сделать вывод о том, что отождествление цифровой валюты в частности и цифровых денег вообще в качестве имущества вполне соответствует логике ст. 128 ГК РФ, в том виде, в каком данная норма присутствовала в ГК РФ до вступления в силу положений Федерального закона от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», в силу чего в практике деятельности судов общей юрисдикции абсолютно правомерно рассматривалась цифровая валюта, в качестве имущества. С точки зрения уточнения правовой квалификации, следует отметить, что такие виды объектов, как цифровые деньги воспринимались судами общей юрисдикции в качестве имущества особого рода.

Данное заключение исходит из того, согласно содержанию обобщенной позиции Верховного Суда РФ, содержащейся в Обзоре судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы [9], денежные средства, хотя отдельно и выделены в качестве правовой категории, приравниваются к имуществу. В то же время стоит заметить и то, что в содержании вышеуказанного Обзора Верховного Суда РФ, не осуществляется какая-либо градация денежных средств на наличные, безналичные и тем более цифровые, что вполне допускает ситуацию, при которой денежные средства рассматриваются в качестве имущества, но не имущественных прав.

Таким образом, вполне допустима и логична позиция судов общей юрисдикции, содержащаяся в различных судебных актах, согласно которой деньги, в том числе и цифровые деньги приравниваются к имуществу. С отдельной оговоркой стоит сказать о том, что на сегодняшний день в силу гражданско-правовых норм, определяющих правовой режим цифровых денег, отсутствует четкая граница между цифровым рублем и цифровой валютой, поскольку в силу ст. 128 ГК РФ по своему правовому режиму данные объекты являются имущественными правами.

Допустимо полагать, что с целью единообразного понимания цифровых денег, в практике судов общей юрисдикции используется правовая категория «денежные средства», даже в контексте того, что под ними понимается не цифровой рубль, а криптовалюта. Так, в частности, исходя из содержания Апелляционного определения Верховного суда Республики Татарстан от 16.05.2022 по делу № 33-6422/2022, 2-1419/2022 [10] необходимо сделать вывод о том, что правовое понимание криптовалюты, равно как и цифровой валюты не позволяет отождествлять такие виды объектов с имуществом, в связи с чем и используется понятие «денежные средства». Подобного рода правовая квалификация цифровых денег со стороны судебных органов расценивается исключительно положительно, тем более, что исходя из содержания позиции Верховного Суда РФ изложенной в Обзоре судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы, допустимо использовать понятие «денежные средства» и по отношению к цифровым денежным единицам.

Впрочем, в теории гражданского права и ранее указывалось на наличие отдельного восприятия денежных средств с точки зрения публично-правового регулирования и порядка определения их правого режима со стороны сложившейся частно-правовой практики. В ряде случаев данная проблематика устранялось предложением к возвращению к более привычной классификации объектов гражданских прав, где денежные средства были бы поименованы в качестве самостоятельного объекта гражданских прав. [11 с.111].

Полагаем, что данное предложение имеет право на свое существование в контексте того явления, что с 01 сентября 2026 года Федеральным законом от 23.07. 2025 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [12] будет обеспечиваться хождение цифрового рубля в качестве средства платежа, что фактически ознаменовывает новую эпоху в развитии не только национальной платежной системы, но и экономики в целом. В том числе и по этой причине, развитие оптимальных правовых конструкций в части регламентации цифровых денег, по-нашему мнению, будет являться одним из направлений государственной правовой политики в части совершенствования гражданского законодательства.

Относительно же деятельности судов общей юрисдикции в части правовой квалификации цифровых денег по искам прокурора об обращении имущества в доход государства, то на сегодняшний день, с целью обеспечения законности и справедливости и, в свою очередь, единообразия применения норм права, при рассмотрении соответствующих категорий дел стоит исходить из того, что используемая судами правовая категория «денежные средства» является наиболее универсальной, поскольку не отрицает общепринятого подхода к восприятию денег как имущества или имущественных прав, в зависимости от их формы, но в то же время позволяет применять аналогию права в вопросах определения правого режима криптовалюты и иных видов цифровых финансовых активов.

Список литературы:

[1] Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7 https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/;.

[2] Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» http://www.kremlin.ru/acts/bank/49555;.

[3] Что такое цифровой рубль? Зачем он нужен? https://cbr.ru/fintech/dr/;.

[4] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5018;.

[5] Голоманчук Э.В., Орлова Е.Р., Попов К.А. К вопросу о понятиях конфискации и обращения имущества в доход государства как основаниях для прекращения права собственности // Имущественные отношения в Российской Федерации, 2024, № 10 С. 81;.

[6] Голоманчук Э.В., Орлова Е.Р., Попов К.А. К вопросу о понятиях конфискации и обращения имущества в доход государства как основаниях для прекращения права собственности pravoved.sytes.net/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=155380&cacheid=B68341ECAFDFE30986692A61C1B3CB03&mode=splus&rnd=LCJMrA#HS2QzpUXF3OE0bNS;.

[7] Скловский К.И. Применение законодательства об обращении в доход государства имущества, полученного в результате нарушения законодательства о противодействии коррупции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2021, № 11;.

[8] Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда // Собрание законодательства РФ , 11.11.2024, № 46, ст. 7029;.

[9] Обзор судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2017 г.) // https://www.vsrf.ru/documents/all/16173/?ysclid=mcvrffikyp6791681;.

[10] Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 16.05.2022 по делу № 33-6422/2022, 2-1419/2022 https://pravoved.sytes.net/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=472102&cacheid=29E1DE0CA0F0741D5D43A2FBB1E84FF7&mode=splus&rnd=AXFkJw#zp9nRqUeu8uxQAou2;.

[11] Сварчевский К.Г., Саченко А.Л. Проблемы правовой квалификации цифрового рубля как объекта гражданско-правовых отношений: соотношение частно-правового и публично-правового регулирования // Имущественные отношения в Российской Федерации 2024. № 12 (279). С. 111.

[12] Федеральный закон от 23.07.2025 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507230045?ysclid=mdml4lzfxf662799971.

References:

[1] The national program "Digital Economy of the Russian Federation" approved by the minutes

of the meeting of the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects of June 4, 2019 No. 7 https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/;.

[2] Federal Law of 24.07.2023 No. 339-FZ "On Amendments to Articles 128 and 140 of Part One, Part Two and Articles 1128 and 1174 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation" http://www.kremlin.ru/acts/bank/49555;.

[3] What is the digital ruble? Why is it needed? https ://cbr.ru/fintech/dr/;.

[4] Federal Law No. 259-FZ of 31.07.2020 (as amended by 28.12.2024) "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation "// Collection of Legislation of the Russian Federation, 03.08.2020, No. 31 (Part I), Article 5018;.

[5] Golomanchuk E.V., Orlova E.R., Popov K.A. On the question of the concepts of confiscation and conversion of property into state revenue as grounds for termination of property rights // Property relations in the Russian Federation, 2024, No. 10 C. 81;.

[6] Golomanchuk E.V., Orlova E.R., Popov K.A. On the question of the concepts of confiscation and conversion of property into state revenue as grounds for termination of ownership // pravoved.sytes.net/cons/cgi/online.cgi? req = doc & base = CJI & n = 155380 & cacheid = B68341ECAFDFE30986692A61C1B3CB03 & mode = splus & rnd = LCJMrA # HS2QzpUXF3OE0bNS;.

[7] Sklovsky K.I. Application of legislation on the conversion into state revenue of property obtained as a result of violation of anti-corruption legislation // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation, 2021, No. 11;.

[8] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 31.10.2024 No. 49-P In the case of checking the constitutionality of Articles 195 and 196, paragraph 1 of Article 197, paragraph 1 and paragraph 2 of paragraph 2 of Article 200, paragraph 2 of Article 208 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the request of the Krasnodar Regional Court // Collection of Legislation of the Russian Federation, 11.11.2024, No. 46, Art. 7029;.

[9] Review of judicial practice in cases of prosecutors' statements about the circulation of property to the income of the Russian Federation, in respect of which evidence of its acquisition for legitimate income was not presented in accordance with anti-corruption legislation (approved by. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 30.06.2017 g) https ://www.vsrf.ru/documents/all/16173/? ysclid = mcvrffikyp6791681;.

[10] Appeal ruling of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan dated 16.05.2022 in case No. 33-6422/2022, 2-1419/2022 // https: //pravoved.sytes.net/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=472102&cacheid=29E1DE0CA0F0741D5D43A2FBB1E84FF7&mode=splus&rnd=AXFkJw#zp9nRqUeu8uxQAou2;.

[11] Svarchevsky K.G., Sachenko A.L. Problems of legal qualification of the digital ruble as an object of civil law relations: the ratio of private-legal and public-legal regulation // Property relations in the Russian Federation 2024. № 12 (279). P. 111.

[12] Federal Law of 23.07.2025 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation "// http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507230045?ysclid=mdml4lzfxf662799971.